

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Что есть русская мечта

Русский народ – мечтатель. История русских тяжела, порой ужасна, но и прекрасна, потому что вся история русского народа – это история его мечты. В ней среди непочатых трудов и тяжёлых нашествий, непосильного гнёта, среди бездорожья, сиротливых деревень, закопченных заводов, среди полосатых шлагбаумов и запретных зон сияет мечта о грядущем царстве, где нет насилия, нет болезней и печалей. Где люди живут, как цветы цветут. Где человек человеку брат. И не только человеку, но и зверю лесному, и птице небесной, и цветку, и звезде. Где всё соткано из любви и блаженства, где нет смерти.

Самые великие народы и государства стремятся сформулировать свою мечту. Думаю, что род людской от животного мира отличается тем, что у людей есть мечта. Мечта – это стимул для развития, для эволюции. Те народы, которые не мечтали, уже исчезли. Американская мечта – это град на холме. Крепость, вознесённая на вершину горы, откуда держит под обстрелом города и селения, лежащие в долинах. Если какой-то город или селение взбунтовалось, его накрывают ударами крылатых ракет. Это град превосходства и гордыни, град непомерного владычества. Идея доминирования над миром заложена в американскую мечту. Есть китайская мечта. Она внесена в документы Коммунистической партии Китая наряду с термином “Великий шёлковый путь”. Эта мечта – о восстановлении китайского достоинства, чести, которая была поругана на протяжении нескольких столетий наглými и жестокими европейцами.

А что такое русская мечта? Что нас движет на протяжении тысячелетий? Конечно, мы пашем землю, добываем нефть. Но и другие люди пашут землю и добывают нефть. Что нас заставляет молчать и умирать под пытками, но не предавать родину? Что заставляет нас на бесконечных горях и пепелищах создавать великолепные города? Что заставляет нас в часы страшного уныния, когда другие народы просто исчезли бы с лица земли, вновь возрождаться?

Русская мечта – это храм на холме. Мы насыпали холм и ставили на нём храм, чтобы тот своими крестами касался небес, черпал из небес волшебные энергии силы и красоты. Озарял этим светом небесным наши семьи, наши полки, наши пограничные заставы, наши заводы и университеты. Русская, российская мечта – она о благом государстве, благом обществе, блаженной праведной жизни, в которой нет насилия и зла, а одна красота и служение. Эта мечта складывается из мечтаний всех народов, населяющих нашу державу. В каждой русской губернии, в каждой земле мы найдём подтверждение этой русской мечте.

Оттуда, из этого храма на холме, мы соединяемся с самыми возвышенными силами, которые не дают погибнуть не только нам на земле, но и вселенной в целом. Потому что задача человечества, как говорили наши космисты, как говорил Вернадский, в том, чтобы оживлять погибшие участки вселенной, вновь возжигать погасшие звёзды. И в этом — наше русское мессианство, в этом — наши русские исторические корни. Русская мечта — это предчувствие чуда. Это построение справедливого, идеального, совершенного общества, огромного русского собора, в котором торжествуют любовь, милосердие, обожание, соединение человека и государства, государства и общества, человека и машины, машины и природы, звезды небесной и цветка.

Наша мечта — о счастье и праведности всех русских, всех татар и якутов, всего драгоценного Кавказа, о счастье всего измученного человечества.

Русская мечта — вселенская. Чтобы её обрести, русский человек шёл за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шёл туда, где, казалось, нет жизни, — в сверкание полярных льдов, в горячий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Эта граница отмечена не пограничными столбами, а иконами. И среди них самая великая и цветущая — икона чудотворной Победы.

Среди всех неурядиц сегодняшнего дня, среди распрей, бурлящей злобы, бессмысленных пререканий сияет впереди бриллиантовая звезда русской мечты, звезда пленительного русского счастья. Да, в России худые дороги. Но они превратятся в автостреды. Да, в России мало мостов. Но мост в Крым через Керченский пролив ведёт не просто в Крым — он ведёт в русское будущее, в пространство русской мечты. Да, у нас дурные чиновники, вороватые управленцы. Русская мечта пройдёт по ним с метлой. В 1991-м у нас хотели отнять мечту. Мы жили с отсечёнными крыльями, с выколотыми глазами, с топором в спине. Сегодня у нас открылись очи, выросли крылья, со стоном, поводя могучими плечами, мы выдавливаем топор из спины.

Русский народ — великий труженик. Он работает с утра до ночи. Он роет окопы, если идёт война. Роет карьеры, если нужно добыть золото или железо. Роет котлованы под высотные дома и храмы.

В своих великих трудах русский человек постоянно смотрит в землю. Для него она — Мать Сыра Земля, Земля-Матушка. Он опекает землю, чтобы она под ним не прогнулась, чтобы её не залила вода, чтобы не погиб урожай. Он хочет делать жизнь лучше, прекраснее, богаче. Не дают! То и дело приходят враги и сжигают всё до основания. Нам опять приходится всё восстанавливать.

И при этом нет, пожалуй, другого народа, который так страстно заглядывал бы за горизонт, смотрел в небеса, был бы таким мечтателем, фантазёром, верил в чудо. Мы мечтательны и очень доверчивы, простодушны; этим пользуются лукавцы и постоянно нас обманывают. Но это не делает нас другими: мы — народ-мечтатель.

И русская мечта сопутствует всему нашему историческому времени. Мы и живём-то на земле потому, что мечтаем. Мы попадаем в пропасти, в ямы, в глубинные чёрные дыры, но вырываемся оттуда, потому что мечтаем. Мечта — эта таинственная сила русской истории, русского времени — влечёт нас из одной гибели в другую, и из одного цветения в другое.

Мы — один из самых мечтательных, верящих, ожидающих чуда народов. Народ-сказочник, народ-сказитель, народ-проповедник, проповедующий в человечестве сострадание, любовь, стремление к возвышенному, стремление к общечеловеческому счастью, к бессмертию.

Люди чувствуют потребность сформулировать свою мечту, назвать, потому что она есть, она где-то рядом, она дышит, она ищет путь. Кто-то говорит, что смысл русской жизни, русской истории, русского существования — в патриотизме. Но неужели русская мечта отличается от мечты швейцарской тем, что русские любят Россию, а швейцарцы — Швейцарию?

Русская мечта изыскивается историками, философами, духовидцами, религиозными пророками, изыскивается из всего русского духовного пути, из изучения этапов всей русской исторической духовной мысли. Языческий этап русской истории — наши волшебные сказки. О скатерти-самобранке, ковре-самолёте, о молодильных яблоках, о победе над старостью, ветхостью, над тлением. О живой воде, которая воскрешает. О волшебном поцелуе,

от которого лежащий во гробе может ожить, восстать. Об Иване-царевиче, который кидается в кипящие котлы — в кипяток водный, смоляной, млечный. И не погибает в этих котлах, а вылетает оттуда ещё краше, ещё сильнее, восхитительнее. Так и русская жизнь: попадает в страшный котёл, в страшную ямину, а вылетает из неё краше, чем прежде. Почитайте русские сказки, и вы почувствуете, что русский человек издревле мечтал о благодати, мечтал о правде, о справедливости, мечтал о бессмертии.

Русскую мечту можно уловить и в учении старца Филофея, который подвизался в Спасо-Елиазаровском монастыре на Псковщине и создал великую религиозную философию о Москве — Третьем Риме. Он писал послания высшающимся тогда государям — к Ивану III, к Василию III, — говорил: предназначение твоё, смысл твоего правления, государь, не в том, чтобы расширять пределы твоего великого государства. Не в том, чтобы снискать славу, не в том, чтобы собрать великую казну. А в том, чтобы сберечь Православие, сберечь учение о Царствии Небесном, сберечь представление, живущее в нашем народе, о божественном плане свершения того чуда, которое было даровано русскому народу, чуда о правде, о справедливом бытии, о вселенском братстве, негасимой любви, делающей человека бессмертным, а человечество — великой братской общиной.

Русскую мечту можно увидеть, если с любовью, с открытым сердцем читать русских писателей — Толстого, Достоевского, Лескова, Бунина, Шолохова. Все они — от самых древних сказаний, от “Слова о полку Игореве” до стихов Гумилёва и Есенина — все пели единый псалом, обращённый к небу, псалом, взывающий к небесам раскрыться, пролить силу благодатную, живительную воду, делающую русскую жизнь озарённой, справедливой, дивной. Эти наши великие вероучители говорили, куда стремится русское сознание, как оно падает в русскую бездну, в русское подполье, но избавляется от страшной гравитации тьмы преисподней и опять летит к небесам, летит в Царствие Небесное.

Об этом говорит и наш великий космист Николай Фёдоров, который учил, что воскрешение из мёртвых возможно, победа над смертью возможна даже здесь, в земной жизни. Для этого нужен огромный духовный подвиг и преодоление всего смертного, смердящего, гнусного, гнилого, живущего в земном человеке, чтобы он очеловечился и, благодаря достижениям науки и техники, достиг абсолютной прозрачности, чистоты, небесности и красоты.

Большевики в грохоте батарей, в лязге жестокой стали мечтали построить здесь, между трёх океанов, царство земного рая, где бы не было угнетения, не было вышших и низших, не было обездоленных и несчастных, а была бы твердыня справедливости, красоты и творческой силы. По существу, они мечтали создать святое человечество. Революция, конечно, затевалась ради земли, заводов и мира. Но она затевалась в большей степени ради абсолютно нового человека: любящего, верящего, милосердного, жертвующего.

Русскую мечту протащили на своих окровавленных спинах солдаты и генералы великой войны. Эта мечта полыхнула на куполе Рейхстага алым знаменем, а потом унеслась в космос, облачённая в плоть великого русского праведника Юрия Гагарина.

И если собрать русскую мечту по крупичкам из всех этих великих периодов, великих чаяний, то можно увидеть, что она заключается в том, чтобы устроить жизнь в России божественно справедливо и восхитительно. Чтобы человек человеку был ангел, а не враг, не волк. Чтобы, спасая себя, свой народ, Россия спасала и весь остальной мир, всё человечество. Смысл России именно в этом. Россия не может быть страной эгоистов, она живёт для того, чтобы была сохранена биосфера, сохранён Байкал, чтобы были сохранены цветы, сохранено звёздное небо.

У русской мечты нет границ, нет жёстких форм. Русская мечта, словно сновидение: мы видим, но не можем описать. Да и вся русская литература и культура — это рассказ о русской мечте, о Царствии Небесном, которое так или иначе в разные периоды являлось русскому человеку.

Сегодня, после краха 1991 года, после страшной катастрофы, в которой мы потеряли Родину, потеряли государство, и великий народ-победитель превратился в бесхозный немощный народ-лилипут, мы снова начинаем восходить, снова начинаем создавать наше новое государство, наше русское царство. Россия — на сносях. Рождается русское будущее — дивный младенец.

И в этом новом русском государстве возникает новый русский народ. Не те новые русские, которые грабили павшую Россию. А мы с вами — те новые русские, которые не сдались и не умерли в период той огромной государственной смерти. Мы выстояли и возводим наше новое царство.

И для идеологии сегодняшнего государства российское формулирование русской мечты является первоосновой. Конечно, надо знать, как обеспечить интенсивное экономическое развитие, как обустроить банковскую сферу, как учить и лечить. Но главное — надо показать путеводную звезду, зарю на русском горизонте. Сегодня очень важно понимание русской мечты.

Русская мечта всего государства российского складывается из мечтаний отдельных русских земель, русских областей, губерний. Вообще категория “русская мечта”, хотя и прослеживается во всей русской истории, в преданиях и работах наших мыслителей, — нова, потому что в нашей философии, идеологии, историософии она не формулировалась как таковая. О русском чуде говорили, о русской идее говорили, а о русской мечте — нет.

В селе Константиново у дома Есенина стоят дубы. Эти дубы выросли из желудей, которые привезли из пушкинских мест, привезли от Сороти, из Михайловского. Это пушкинские дубы, которые помнили, знали Пушкина, которые, возможно, сам Пушкин посадил, обнимал их. Эти дубы принесли в Константиново пушкинскую душу, пушкинскую стихию. Пушкин с Есениным говорят через эти деревья. И как вся мировая вода едина — деревенский пруд, океан, Ока, Миссисипи, Байкал, льды Антарктиды соединены тайной воды, — так же едины все деревья, все леса. Они друг с другом говорят, общаются, начинают стонать, когда их губят, ликут, когда начинается цветение. Эти пушкинские и есенинские дубы находятся в постоянной связи. Они читают друг другу стихи: есенинский дуб читает пушкинские стихи, а пушкинский дуб читает есенинские стихи. Ведь “ты жива ещё, моя старушка” и стихи об Арине Родионовне — очень похожи. Это стихи о праматери-воспитательнице.

И если мы будем основывать движение под названием “Русская мечта”, если у нас найдутся на это силы, то создание отделений Русской мечты может сопровождаться посевом есенинско-пушкинских желудей. Чтобы по всей России, по всей Руси разрасталась огромная общерусская дубрава и чтобы в этой дубраве, в её лесах, кронах, среди птиц и белок, которые бы там скакали, звучала поэзия есенинская, пушкинская. Поэзия русской мечты.

Ещё раз о русской мечте

*Где государству взять ресурс, который необходим
в современных идеологических схватках*

Либералы упорно изо дня в день захватывают всё новые пространства в идеологии и политике. Так разрастаются мхи. Покрывают болота, деревья, памятники, асфальтовые шоссе, закрадываются в жилища. Эти мхи проникают в людское сознание, затаскивают в свои заросли человеческие мысли, возбуждения и желания. Либералы готовятся к решающей схватке. Знают время, знают контуры, знают места первых вспышек, которые должны полыхнуть по всей России и срезать власть любой ценой — даже ценой истребления Государства российского. У либералов есть свои теоретики, свои стратеги, свои финансисты и политехнологи, есть силовики. Либеральные грибницы выходят за границы России, питаются соками могущественных цивилизаций Запада. Эти грибницы крадутся за пределы явной, действующей на виду, оппозиции и тайно проникают в правительственные кабинеты, банковские офисы, политические и философские круги. Либералы давно уже вышли за контуры своих обычных либеральных требований: ротация, сменяемость власти, честные выборы, обновление судебной системы, создание инвестиционного климата, развитие среднего и малого бизнеса... Всё это остаётся в силе. Но либеральные агитаторы уже и среди бастующих дальнобойщиков, отвергающих систему “Платон”, и среди взволнованных возмущённых жильцов, протестующих против сноса пятиэтажек, не желающих ехать на выселки, боящихся очередного обмана, и среди выступающих против пенсионной реформы граждан.

Либералы по-прежнему протестуют против воссоединения России и Крыма, сострадают киевской Украине, потерявшей Донбасс. Но теперь они винят государство в экономическом кризисе, в нарастающей бедности, неудержимой коррупции, в произволе чиновников, в неравенстве, что порождает

вопиющую несправедливость, в том, что вельможные чиновники отдают своим детям ведущие корпорации и банки. И уже среди либеральных обвинений появляется упрек власти в отсутствии долгожданного развития, о чём всегда говорили патриоты. Теперь это огненное требование либералы прибирают к рукам. Либералы прицеливаются, примериваются – готовятся к решающей схватке. Уже обнаруживаются общие черты их зловещей технологии. В урочный час они призовут на улицы Москвы и Петербурга детей, поведут их в своих колоннах на Кремль и Смольный под дубины национальных гвардейцев и, не дай Бог, под пулемёты. “Избиение младенцев” – так звучит либеральный проект перехвата власти. Они полагают, что кровь, пролитая на улицах двух столиц, ужаснёт власть, и та в панике убежит из Кремля.

А что государство? Что оно противопоставляет этой ползучей, из мхов и лишайников, массе? Как может оно остановить мхи, подбирающиеся к стенам Кремля? Власть противопоставляет либералам силу, Росгвардию, создаёт рыхлые организации типа “Антимайдана” и “Наших”. Формирует эфемерные “Народные фронты”, занимающиеся благоустройством детских площадок. Уповает на телеканалы, на которых месяцами бурлит мутное варево светских скандалов и досужих сплетен. Власть не может запустить долгожданное развитие, потому что для этого у государства нет денег – они уходят за границу. Нет экономической модели развития, а есть либеральная модель, которая исключает преодоление кризиса и одоление бедности.

Где государству взять тот ресурс, который необходим уже сейчас в современных идеологических схватках, политических баталиях, в культурных и информационных сражениях? Где тот ресурс, не покрытый мхами, не захваченный либералами? Этим ресурсом является Советский Союз – гигантская красная эра, которая утратила свои материальные формы, свои структуры, свои политические и идеологические технологии, но остался дух, неувядающая память. Осталось таинственное зарево, которое и сегодня занимает полнеба. В этом зареве, в этой мистической памяти и мистическом ожидании таится то, что именуется русской мечтой, что было явлено в русской победе, что лежит в основе самого существования государства российского как в древние времена, так и ныне.

К Советскому Союзу уже потянулись руки либералов. Но они обжигаются, касаясь Ленина или Сталина. Они начинают выискивать в советском прошлом те элементы, которые могли бы им пригодиться в схватке за нынешнее государство российское. Уже сложены в либеральном стане речи о великой советской культуре, великом советском кинематографе, великой советской музыке. Но огромный материк, именуемый “СССР”, не подвержен заражению мхами. Мхи никогда не сядут на гранитный кристалл мавзолея.

Власть чувствует громадный потенциал советского прошлого, пытается им воспользоваться. Значки ГТО, звания “Герой труда”, майские демонстрации с флагами и воздушными шарами, великие парады Победы... Но все эти стремления поверхностны, не улавливают в себя то, что именовалось советской эпохой. Советская эпоха таит в себе самое ядро русской цивилизации, которая перетекала из века в век, из царства в царство. Это ядро – заповедная русская мечта, в которой русский человек стремится к идеальному бытию, праведной возвышенной жизни, к обретению братства и справедливости, полагая, что в этом идеальном, одухотворённом великими ценностями бытии будут прекрасные дороги, крепкие дома, плодоносящие поля, будут процветать ремёсла и станет непобедимым воинство. Появятся книги и музыка небывалой красоты и силы. Русская мечта – это свод представлений, почерпнутых из старинных народных сказок, из великих трудов богословов, из книг литературных пророков, из трудов революционеров и русских космистов.

Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самоё, пусть власть обратится к русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем. Закроет путь либералам, которые в случае реванша, в случае захвата Кремля устроят небывалый погром, перед которым померкнет погром 1991 года.

Русская мечта – вот идеология государства российского. Вот цель наших духовных исканий. Русская мечта рядом. Протяни руку – и достанешь её. Но едва коснёшься – она улетит в грядущее. Эта таинственная мечта, это русское чудо даны в сбережение мистическому народу.

Красная орбита вселенной *Революция была всегда — от сотворения мира*

Октябрьская социалистическая революция. Великая, вселенская, баснословная, красная, плодоносящая. Сто лет её огонь согревает остывающий мир. Сто лет её огненное соцветие пылает в умах, в науках, в людских свершениях, в восстаниях угнетённых народов, в поэмах и симфониях ясновидцев.

Революция была всегда — от сотворения мира. Мир сотворён божественным революционным порывом, благодаря которому Господь Бог вырвал из своей загадочной сердцевины всё огромное многообразие вселенной с её звёздами, героями, цветами, законами физики и божественными законами души.

Создавая мир, Бог внёс в него мечту — мечту о богоподобном бытии, о совершенстве, единой симфонии, где нет места насилию, лжи, себялюбию, где нет смерти, а есть любовь, красота и бессмертие. Эту мечту несёт человечество через всю свою историю. Эта мечта и движет историей. Она проталкивает человечество сквозь беды, распад, уныние. Мечта сияет и манит к себе народы. Манит всех людей — и тех, кто, облачённые в звериные шкуры, жили в пещерах и рисовали на каменных стенах свои магические образы. И тех, кто брал в руки кисть и рисовал “Купание красного коня”, водружал над рейхстагом красное знамя Победы, возносился в космическом корабле на красную орбиту вселенной.

Россия — страна революции. Русский народ — революционер и подвижник. Революционерами были бунтующие стрельцы, Пугачёв и Разин, декабристы и народовольцы. Революция дышала в трактатах и песнях, вся русская классическая литература была предчувствием революции, была псалмом, в котором дышала мечта.

Пушкин пел о звезде пленительного счастья. Лермонтов провидел “год, России чёрный год, когда царей корона упадёт”. Достоевский знал, что революция неизбежна, и в ужасе писал своих “Бесов”. Толстой был “зеркалом русской революции”. Весь Серебряный век вымаливал у Господа революцию.

Гумилёв говорил о себе: “Я — угрюмый и упрямый зодчий // Храма, восстающего во мгле. // Я возревновал о славе Отчей, // как на небесах, и на земле”. Он предвидел время, когда “Млечный Путь **расцвёл** неожиданно // Садам ослепительных планет”.

Революция справедливости — это и есть вековая русская мечта. И вот она — грозная и прекрасная — свершилась, в хлынувшем народном потоке загудела и засверкала. Это великое искусство русского авангарда: Петров-Водкин и Платонов, Есенин и Хлебников, архитектор Мельников и скульптор Цаплин, “Музыка сфер” Прокофьева. Революция — это “весна человечества, рождённая в трудах и бою”, — так славил её Маяковский.

Может показаться, что в 1991 году красные духи революции были изгнаны из русской судьбы. Нетопыри и злые волшебники разрушили красное царство. Зарубили топорами Красного Коня. Залили своей чёрной спермой алые святыни революции. Но всё это мнимое! Новое государство Российское возникло из праха и несёт в себе багряные гроздьи революции.

Бессовестные богачи, которые изгрызают обманутый, изнурённый народ. Воры и стяжатели, засевшие в министерствах и вельможных палатах. Бессовестные трутни и бездари, обрекающие народ на угрюмые труды и безысходную бедность. Мытари и банкиры, остановившие ход русской истории, отказавшие современной России в развитии... Вслушаемся в гулы родной истории, отрицая мишуру лживых клеветнических сериалов, тошнотворные телепрограммы Малахова и бесстыдные танцы Собчак. Их всех сдует ветер русской мечты. Революция неизбежна — сверху или снизу. Или из кремлёвских башен, над которыми пламенеют рубиновые звёзды. Или из подворотен Красной Пресни, где ещё гремят давнишние баррикады и лязгают затворы трёхлинейек.

Донбасс. Его грандиозное восстание — это первый акт революции, отрицающий тьму 1991 года, срывающий кляп, брошенный на русские уста.

Имперский холм

*Русская мечта — о благом государстве, благом обществе,
блаженной праведной жизни*

Сегодня Россия живёт тяжело. Слышится ропот, у людей недовольство, уныние. Иные ожесточаются, у других опускаются руки. Россия сегодня проходит сквозь игольное ушко своей великой истории. В чём черпать силы?

На что уповать? Где путеводная звезда? В чём божественная русская мечта, помогавшая народу превозмогать великие беды, одолевать тьму, продолжать своё победное шествие в бесконечном русском времени?

Изборск — крохотный городок на подступах к Пскову. Среди деревянных домиков — каменная огромная крепость. Башни, бойницы, которые смотрят на окрестные поля и дороги. Сюда из Прибалтики на Русь из века в век двигался враг, катились нашествия: Ливонский орден, шведские отряды, польский Стефан Баторий, Литва, немецкие фашисты. Они натыкались на Изборскую крепость, завязывалась схватка. Изборский гарнизон отбивался, расстреливал врага из бойниц на дальних и ближних подступах, сдерживал неприятеля двое-трое суток, давая возможность Пскову приготовиться к нашествию.

Среди башен Изборской крепости есть одна, чьи бойницы смотрят не вовне, а внутрь. Когда враг вламывался в крепость, остатки русского гарнизона, подхватывая раненых, запирались в этой башне, вели свой последний смертный бой, расстреливали из бойниц врага, заполонившего внутренность крепости. И эту башню брали, убивали остатки воинов, двигались дальше, к Пскову. А там врага встречала свежая русская рать. Эта башня — памятник русской жертвенности, стоицизму, которыми во все века сберегалось государство Российское. К этой башне, как к иконе, надо подходить и прикладываться, вспоминая бесмертных героев.

Псковская земля — светящаяся, лучезарная. Здесь светятся и благоухают ручьи, цветы, камни. Кажется, что над Псковщиной реют невидимые чудные духи. И душа откликается светлой любовью и обожанием. Псковщина — та земля, где русская история с языческих древних времён до нынешних дней прикоснулась своими устами, поцеловала псковскую землю, оставила здесь своё немеркнувшее дыхание.

Здесь радениями нынешних псковичей насыпан холм. Сюда, к древнему погребению, где покоятся кости павших русских ратников, мы снесли огромные валуны, собрав их на окрестных полях. Розовые, зелёные, золотистые — они похожи на метеориты, упавшие с неба. На вершине этой каменной горы, этой русской Голгофы, мы воздвигли огромное распятие из сибирской лиственницы и снесли в этот холм земли из всех священных мест, из всех пяти российских держав, российских империй, сменявших одна другую. Мысль была в том, что это землеприношение, эти всыпанные в холм горсти земли соединят рассечённое русское время, восстановят световод, по которому река русской истории льётся из прошлого в будущее. Этот могучий поток оросит сегодня государство Российское, наполнит людские души могуществом. Холм замышлялся нами как чудодейственный реактор, откуда энергия польётся в народ, помогая преодолевать уныние, подвигая народ на богатырские свершения. И мы отправились в странствие по псковской земле, добывая земли из всех священных мест, как добывают драгоценные клады, и всыпали земли в наш рукотворный холм.

Труворово городище. Отсюда открывается вид на озёра, реки, ручьи, на туманные леса, летящие птиц, вьющиеся дороги, по которым ступает безвестный путник. Сюда в языческие времена причалил свой чёлн князь Трувор, брат Рюрика. Здесь он поставил свой терем, здесь омыл своё лицо в водах гремящих ключей, бьющих из горы. Сюда и по сей день стекаются паломники, чтобы испить эту студёную горную воду. Здесь стоит величественный каменный крест, именуемый в народе Труворовым. И отсюда, из-под этого креста, от ручья, от Труворова городища мы взяли землю и всыпали её в каменный холм.

В маленьком селении Выбуты на берегу реки Великой мы смотрели, как сверкает на перекатах вода. Здесь, по этим водам, юная княгиня Ольга, работая перевозчицей, гоняла свой чёлн с одного берега на другой. И однажды посадила в лодку князя Игоря, который стал её мужем. Княгиню Ольгу нарекли равноапостольной, потому что она задолго до князя Владимира приняла Православие и исходила, проповедуя христианство, все псковские пределы.

Тут же, неподалёку, в маленькой деревеньке Будник, родился, по преданию, князь Владимир, будущий креститель Руси. Отсюда, из Будника, начал он свой путь к Киеву и дальше, к Херсонесу, где получил Святое Крещение и привнёс мистический свет Православия в русскую историю от древности до нынешних дней.

Чёрный огромный камень, перегородивший ручей, как гласит предание, является Вифлеемской звездой, прилетевшей из Вифлеема на Псковщину

и упавшей в Буднике. Оттого и родился здесь будущий Креститель Руси. И отсюда мы взяли землю и всыпали в наш священный холм.

На берегу Чудского озера, где состоялась Ледовая сеча и князь Александр Невский разгромил ливонцев, пустив их под лёд, стоит дивная церковь. Отец Никандр рассказал нам, как однажды в годовщину Ледового побоища в безлюдном храме вдруг сами собой вспыхнули все лампы. Александру Невскому во время битвы помогала сама Богородица. И ангелы своими мечами рубили лёд под копытами ливонской конницы, толкали их в ледяную прорубь.

Здесь же, на кромке Чудского озера, расположились пограничники, ибо сегодня это край русской земли. Там, за озером, – Эстония. Протяни руку – и тронешь НАТОвский танк. Кинь сучком в небо – и попадешь в НАТОвский бомбардировщик. Здесь на границе государства Российского по-прежнему слышен звон мечей той Ледовой сечи, витает дух Александра Невского. И отсюда мы взяли землю и всыпали в холм.

Кончилась Киевско-Новгородская Русь, и её сменило Московское царство. И оно, это великое царство, отметило себя на псковских стенах и пажитях. На гдовской дороге стоит изумительный Спасо-Елеазаровский монастырь. Ещё недавно захламлённый, превращённый в руину, с проседающим, готовым обвалиться храмом, теперь монастырь превратился в дивную обитель с райским цветниками, прудами, в которых отражаются белоснежные стены и золотые кресты. Здесь подвизался изумительный старец Филофей, создатель величественной теории “Москва – Третий Рим”. Отсюда он писал письма великим князьям Ивану Третьему, Василию Третьему, наставлял их в том, что смысл государства – не в стяжании казны, не в расширении своих пределов, не в создании могучего войска, а в сбережении дарованного русским Православия, мечты о Царствии Небесном, о красоте и святости людских отношений, где справедливым и божественным является отношение человека к человеку, государя и подданного, природы и всего рода людского. Это возвышенная теория, по которой Русское царство является предтечей Царствия небесного, теория, по которой царство Российское наделяется мессианским смыслом, внушающим русским государям, что их дело свято. И отсюда мы взяли землю и принесли в наш холм.

Романовская империя одарила Псковщину своими победами, петровским бастионами, которые она воздвигала в ожидании нашествия шведов.

Здесь, в селе Михайловском, у Святогорского монастыря, на берегу Сороти, жил Пушкин, солнечный гений, в котором открылась вся бездонная русская красота, удалство, возвышенное обожание мира. Ты стоишь на крыльце михайловской усадьбы и думаешь, что по этим ступенькам сбежал молодой Пушкин, запахивал полу тулупа, падая в лёгкие санки, и мчался в солнечной пурге по этим холмам и далям, восхитительный и ликующий. Идешь по липовой аллее Анны Керн, где половина деревьев уже исчезла, а оставшиеся, сгорбленные, с чёрными дуплами, доживают последние годы, и чувствуется, что здесь, среди цветущих лип, Пушкин обнимал свою возлюбленную, целовал её румяные уста. Приедешь сюда, в Михайловское, и тебе покажется, что ты приехал к себе домой. Здесь всё родное, знакомое. “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”. Здесь Золотой Петушок, и Великий Пётр, и Евгений Онегин, стреляющий из пистолета в Ленского, здесь Медный Всадник, Пугачёв, ведущий своё крестьянское воинство по оренбургской степи. Пушкин всемирный, говорил о нём Достоевский. Будучи русским поэтом, он сделал русскую мечту мировой мечтой. Одарил своей красотой, своей русской надеждой, русской сказкой всё остальное человечество. Недаром в 1937 году по велению Сталина пушкинские стихи читали на пограничных заставах, в гарнизонах, в заводских цехах. Перед войной Пушкин стал самым популярным советским поэтом, вдыхал в народную жизнь неодолимую веру, свет.

Здесь же, на Псковщине, на печальной станции Дно завершилась Романовская империя. Преданный своими генералами, царедворцами, государь написал своё отречение, и отсюда, с Псковщины, он начал свой путь в расстрельный Ипатьевский дом. И из села Михайловского, со станции Дно, мы взяли земли и снесли их в свой каменный холм.

Красное государство неоднократно прикоснулось ко Псковщине своими огненными перстами. На берегу реки Черёхи, покрытые травяным дёрном, по сей день сохранились бугры и рытвины в том месте, где стояла оружейная батарея красного артиллерийского расчёта. Отсюда 23 февраля 1918 года

красные артиллеристы выпустили снаряд по немецкому бронепоезду, который наступал на Псков. И кайзеровский бронепоезд повернул вспять, пустился в бегство, сопровождаемый пальбой артиллеристов. Этот день стал днём рождения Красной армии, советским военным праздником, который сегодня празднуется нами как День защитника Отечества. На Псковщине в очередной раз свершилось чудо: малая горстка воинов отогнала могущественного врага.

В псковских лесах, у исчезнувшей деревеньки Чернушки, следов которой теперь и не найдёшь среди березняков и осинников, одиноко высится памятник Александру Матросову. Его бронзовая вознесённая высоко голова словно смотрит на нас с небес. Здесь был дот фашистских пулемётчиков, остановивших атаку советских войск. Сюда, к этому месту, бежал Александр Матросов, накрыл своей грудью гнездо вражеского пулемёта. Отсюда его душа вознеслась к небесам. Теперь его лик смотрит на нас из-под белой тучи. Герои великой войны, где добро одержало победу над злом, свет остановил нашествие тьмы, где духи рая остановили чёрные духи ада, — все эти герои, кто сражался и погиб за Отечество, будут наречены святыми. И сейчас, когда смотришь на бронзовое лицо солдата, вознесённое ввысь, кажется, что вокруг него золотится и светится нимб.

Новое время, когда рождалось нынешнее государство Российское, отмечено на Псковщине подвигом 6-й воздушно-десантной роты, которая отсюда, с берегов Черёхи, из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии отправилась на чеченскую войну и там легла костями вся, останавливая наступление превосходящего врага. Казалось бы, девяностые годы — время великого неверия и уныния, разгул низменных страстей, погоня за золотым тельцом. Но и в это время живущие в душе русского человека таинственные вечные коды подвигли солдат и офицеров героической роты на подвиг во имя государства Российского. Этот подвиг запечатлён в удивительном памятнике, созданном воображением десантников. Огромный парашют, накрывающий своим куполом пламя горящих свечей. И на куполе — росписи всех погибших десантников, снятые с архивных документов. Да разве этот парашютный купол, погибшие русские воины отличаются чем-либо от той Изборской башни, где принимал свой последний смертный бой древний русский гарнизон?

Сменяются поколения, сменяются правители, сменяется оружие — не меняются живущие в душе русского человека коды, которые говорят ему: русское государство свято, русское государство — твой дом; здесь, в России, родились и похоронены твои предки, здесь будешь похоронен и ты, здесь родятся твои потомки, которые, как и ты, будут читать Пушкина, поклоняться храмам, строить города, превозмогая все напасти и трудности, заслоняя собой свою любимую Родину. Мы взяли землю у купола и из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии, которая и сегодня незыблемо стоит на западных рубежах Отчизны. Россия сберегается великими трудами, воинскими подвигами, монашескими молитвами, и мы всыпали эту землю в наш холм.

На Псковщине в наше недавнее время подвизались два дивных старца, снискавшие себе известность великих молитвенников за Россию. Старец Иоанн Крестьянкин до последних дней жил в крохотной келье в Псково-Печерском монастыре, и здесь же, в псковских пещерах, он похоронен в подземной церкви. К нему при жизни стекались все страждущие и обременённые, и он утешал их. К нему приезжал президент Путин, и они целый час о чём-то говорили в крохотной келье. Теперь архимандрит Иоанн Крестьянкин молится за Россию, как молится за неё и его друг, отец Николай Гурьянов, долгие годы живший среди Псковского озера на острове Залит.

Псковское озеро — великолепное и загадочное. Каждый день у него свой цвет, свой лик, своё дыхание. Оно то голубое, то розовое, то нежно-зелёное, то гневно-чёрное. По преданию, лихие люди выкрали из Спасо-Елеазаровского монастыря чудотворную икону, везли её в лодке через озеро. Но налетела буря, похитители погибли, а икона ушла на озёрное дно. И теперь оттуда она посылает свои волшебные свету.

На острове на могиле Николая Гурьянова — целомудренные белые лилии. В крохотной келье трудно повернуться человеку. В малой избушке, где обитал нищенствующий старец, висит его икона, его бедная ряса. И сюда из самых дальних концов Руси стекаются люди. Старец Николай утешит всякого, научит и образумит. И отсюда, с острова, мы взяли горсть земли и снесли её в холм.

И когда земля из всех пяти империй, из всех пяти русских держав, сменявших друг друга, — Киевско-Новгородской, Московской, Романовской, красной, сталинской, и нынешней, пятой империи — была всыпана в холм, владыка Евсей, архиепископ Псковский и Великолукский, освятил этот холм и воздвигнутый на нём крест. На освящение сошлись и съехались тысячи людей: из Пскова, из деревень, из районных городков. Окружили холм своим многолюдьем, слушали песнопения, гром салюта, речи государственных мужей. Казалось, все земли, что были вброшены в холм, ожили, засверкали, засветились, словно топливо, вброшенное в реактор. Холм задышал, засиял, стал прозрачным, как стекло, из него полились потоки могучих энергий. И люди, собравшиеся вокруг холма, посветлели лицами, обнимали друг друга, ликовали, славляли Родину.

И случилось чудо: летавший в поднебесье аист вдруг спустился на холм и сел на распятие. А потом слетел в народ, расхаживал среди людей. И люди касались вещей птицы, дивились её появлению, говорили, что холм — чудотворный. Этот холм, собранный из метеоритов, укрепленный священной землей, увенчанный огромным крестом, и есть образ русской мечты. Русская мечта — это храм на холме. Русские люди насыпали этот холм всей своей огромной историей, своими бедами, страданиями, победами, чудесами и верованиями.

И оттуда, от псковского холма, я начинаю странствие по нашей необъятной России. И где бы ни ступала моя нога: во льдах Ямала или в священных рощах Марий Эл, или на архангелогородском космодроме в Плесецке, или на удивительных полях и пашнях Белгородчины — везде я вижу образ русской мечты, нашего русского чуда.

ПСКОВ НЕБЕСНЫЙ

*Беседа с митрополитом Псковским и Порховским
ТИХОНОМ (ШЕВКУНОВЫМ)*

Александр ПРОХАНОВ: Владыка, слава Богу, мы с Вами повидались. Виделись мы и в Москве. И Вы в Москве, этом Вавилоне, создали райский уголок. Входишь в Сретенской монастырь — розы благоухают. И благодать. Спасибо, что и здесь, в Печорах, для Вас родных и мне не чужих, приняли меня.

Митрополит ТИХОН: Спасибо, что приехали, Александр Андреевич.

А.П.: Владыка, а как Вас встретила благословенная псковская земля?

М.Т.: Это у самой земли надо спросить. Конечно, это милость Божья — оказаться на том месте, где почти 35 лет назад начинал свою и монашескую, и духовную жизнь, где всё родное, всё близкое. И где были самые, быть может, важные в жизни встречи. Те самые старцы, которые были главным сокровищем Псково-Печорского монастыря. Сейчас они на Святой Горке лежат в глубине земли в пещерах. Это был потрясающий период в жизни Русской Церкви. И обусловлен во многом он был именно тем, что здесь, в Печорах, существовало такое явление, как старчество.

А.П.: Печорские старцы окормляли всю нашу Православную Церковь.

М.Т.: Очень многих. И в Троице-Сергиевой лавре были и старцы, и духовники. Но всё-таки, не побоюсь это сказать, главное, основное их средоточие было именно в Псково-Печорском монастыре. Старчество — это явление удивительное. Оно кочует с места на место. И непонятно, где окажется. Когда-то оно было в заволжских лесах, потом в Оптиной, потом, вскоре после революции, какое-то время в Даниловом монастыре. Потом здесь — в Псково-Печорском.

А.П.: И какая благодать! Самодвижение благодати по России...

М.Т.: Это Дух Божий, который “дышит, где хочет”, как говорит Священное Писание. Он выбирает и место, и людей, в которых являет свои особые силы. Это совершенно поразительно, ни с чем не сравнимо. Необычайно могучее явление.

А.П.: Вы здесь встречались со старцами, Вас благословлял отец Иоанн. Наверное, были на острове у батюшки Николая Гурьянова. Что это за ощущения были, можно их передать? Или это неизреченное?

М.Т.: Ощущения, конечно, субъективны. И всегда боишься какими-то своими чувствами, может быть, немножко восторженными, иногда, может быть, и недостаточными, не так передать ту силу Божью и любовь божественную, которая исходила от этих людей. Любовь созидает. Самое поразительное чувство – той любви, которая исходила от старцев. Это могучее чувство божественной силы, божественной защиты, того, что через этих людей Бог ведёт тебя. И ведёт ко благу и ко спасению, загадочному для тебя исходу по загадочному для тебя пути. Но по абсолютно верному и правильному. Это ощущение полной защищённости, когда находишься рядом с ними, и полного доверия, полной ясности. Ощущение твоей готовности исполнить то, что повелевает Господь в заповедях своих, то, что благословят эти старцы.

А.П.: Вы однажды с ними пережили мгновения, которые не исчезают на протяжении всей жизни. У Вас нет ощущения, что Вы с ними расстались?

М.Т.: Нет, конечно. Такое не забывается. Это определяет всю жизнь. И все люди, с которыми доводилось говорить об отце Иоанне, об отце Адриане, недавно почившем, об отце Николае, об отце Серафиме – о печорских старцах, – все говорят об одном и том же: это не встреча, это направление и продолжение жизни. Это самое главное.

А.П.: А теперь, когда Вы сюда приехали, нет ощущения, что изменился мир, изменилась среда, изменился монастырь, да и сами Вы изменились за это время? Это не праздный вопрос. Я здесь часто бываю и чувствую эти перемены, чувствую некое охлаждение.

М.Т.: Конечно, и мы были другими, и другими были обстоятельства жизни. Тогда я был послушником, а сегодня мои послушания совершенно иные, связанные с огромным количеством встреч, с большей ответственностью за других людей в том числе. В этом ситуационная и событийная разница в жизни человека. Конечно, мы стали намного более суетные. И то величие, которое было в 70-е, 80-е годы, спокойствие и мир, наверное, уступили место большей суетности и в какой-то степени более мелочным заботам, чем то, с чем предлагали нам встретиться те великие духовники. Нас даже невозможно сравнивать. Несопоставимые величины. Поэтому во многом мы живём их молитвами, их духом питаемся, их силами и их мужеством хотя бы в какой-то степени вдохновляемся. А для людей, которые их не видели и приходят сюда, есть память о них и есть их благодатное присутствие. Господь сказал, что у Бога все живы, у Бога нет мёртвых. Это ясно ощущается здесь. Потому что присутствие этих подвижников не ограничивалось временем их жизненных лет. Оно простирается и дальше. Ведь одна из наград христианину, который прожил жизнь, всеми силами стараясь соблюдать те заповеди, что оставил нам Христос, любя эти заповеди, одна из самых величайших наград – это продолжение любви к людям. В чём? В участии в жизни. Мы молимся святым и получаем от них и вразумление, и помощь. И обстоятельства жизни часто изменяются именно по их молитвам. Но это не только для нас радость и польза. Это великое счастье тех святых. Потому что главное их счастье – любовью своею и теми благодатными возможностями, которые даёт им Господь, участвовать в жизни мира здесь, на земле, в жизни христиан – учеников Христовых.

А.П.: Я здесь появился раньше, чем Вы. Я приехал в момент, когда уже кончилась страшная война, когда храмы ещё стояли разорённые, когда у алтаря было написано “мин нет”, когда многие храмы заваливались или уже завалились. И сюда после войны приехали уцелевшие в этой бойне люди, которые были ранены, которые славили жизнь и Господа. Они, может быть, не знали, что славят Господа, но славили жизнь за то, что уцелели. Это были архитекторы и реставраторы. Всеволод Петрович Смирнов, который псковский Кремль восстановил, он здесь повесил на флюгеры потрясающие прапоры. И дивный кузнец – кроме всего прочего. Борис Степанович Скобельцын, который исходил своими длинными журавлиными ногами всю Псковщину. Семён Степанович Гейченко, который музей-заповедник Пушкина из праха поднял. Это были удивительные люди, которые создали такое притяжение, что сюда приезжала вся элита Петербурга – Ленинграда, Москвы. Здесь бывала Ахматова, Лев Николаевич Гумилёв приезжал, писатели, художники... И это

была какая-то вспышка, ликование. Думаю, что это был русский ренессанс, русское возрождение, краткий его миг. И я оказался в этой вспышке. Я его помню, как солнечный удар, как говорил Бунин. По мере того, как я сюда приезжал, и по мере того, как старели мои друзья, а потом уходили один за другим, я видел, что здесь всё как-то затихало. Конечно, крах государства, русский народ-подранок, уныние – всё это было в 90-е годы. И когда отсюда ушла 6-я воздушно-десантная рота, в то безвременье, когда не было государства, когда людям не на что было опереться, здесь продолжали жить ба-тюшка Иоанн и отец Николай.

И теперь, когда страна выстояла, я жду новой вспышки. Всё во мне гово-рит о том, что новая вспышка должна быть. Опять грозные времена, опять большие тревоги у государства, опять мы накопили силы, нас не били, не ссылали, не гнали. И у меня есть ощущение, что именно здесь, на Псков-щине, произойдёт очередная вспышка света. Я Ваш приезд с этим связываю. Может быть, и не Вы сюда эту вспышку привезёте, но она и Вас озарит здесь.

М.Т.: Можно только надеяться, и благодарить вас за такую твёрдую веру в развитие новых сил и в востребованность сил, укоренённых на этой земле и готовых прийти к нам в поддержку. Конечно, хотелось бы. Псковская земля совершенно поразительная. Мне кажется, это самая красивая земля в Рос-сии. Я её именно так воспринимаю. Даже в 80-е годы, а в 70-е, 60-е – на-верное, ещё в большей степени, это был центр духовной жизни России. Не только потому, что Псково-Печорский монастырь, а потому, что на прихо-дах были потрясающие священники. В том числе и ветераны войны, которые вернулись с фронтов и укрепили свою веру не в семинариях, не в философ-ских беседах, а между жизнью и смертью. И они здесь увидели Бога, здесь схватились за его ризу. Бог привёл их сюда, как отца Алипия, который вое-вал. Я помню, как в начале 80-х годов 9 мая в Псково-Печорский монастырь приезжал военный комиссар поздравлять наших ветеранов. И они на Успен-ской площади выстраивались шеренгой: в чёрных рясах, с крестами и без (в соответствии с тем, священники они или нет), но все с орденами, с план-ками медалей на рясах. Зрелище было необыкновенное.

Они были самые разные. Человек удивительного мужества, который слу-жил в военной разведке и взял не одного языка, архимандрит Феофан. Грудь его была украшена огромным количеством орденов. Он был невысокого рос-та, и фамилия у него была Малявка. Это был настоящий старец – величайшей любви и величайшего смирения, прозорливый, великий. И как-то он сказал: “Да, я был в разведке, туда меня послали, но я всю войну молился, чтобы не убить ни одного человека. Да, в плен я брал. Но по милости Божьей даже не убил ни одного врага”.

Отец Алипий – легендарная личность. Архимандрит Алипий Воронов до-шёл до Берлина, сам себя называл советским архимандритом, несколько не двоясь и не смущаясь этого определения. Хотя у него с советской властью по-рой были самые жёсткие отношения. Но он понимал время. И он вёл людей ко спасению именно в то время, он утверждал веру в Бога именно в то вре-мя. Он воцерковлял огромное количество людей, в том числе интеллигенцию, в том числе и вас, и Солоухина, и Козловского и многих, многих, многих, кто здесь был. И, уезжая от него, они уносили в своей душе частицу веры, кото-рую он им передавал своей монашеской и офицерской судьбой. Это были ве-ликие люди.

А.П.: Я был у Матросова. В лесу, на поляне, на том месте, где он закрыл грудью дот, стоит одинокая стела. И у меня возникла мысль, что, если бы он выжил, он бы ушёл в храм. Потому что это и есть то высочайшее пережива-ние войны, жизни, смерти, жертвенности, которое людей меняет в корне, ес-ли они не умирают при этом.

М.Т.: Происходит по-разному. Я бы не сказал, что все люди, даже полу-чив смертельные раны и после них оставшись в живых, становились верующи-ми и церковными людьми. Большинство, да. Но для многих вера была настоя-ще сокровенной частью их жизни, что любые разговоры о ней они принимали в штыки, не хотели говорить. Тем более, когда вдруг начинались несколько эк-зальтированные и надуманные истории. Таким был Виктор Петрович Астафьев.

Я знал, что он был верующим человеком. Не могу сказать, что я с ним дружил, но у нас было очень доброе, хорошее и нередкое общение: в Москве, в Вологде, в Новгороде... И он говорил мне о своей вере доверительно

и очень интересно. Но когда однажды кто-то стал говорить о том, что чуть ли не на каждом фронте были священники, и только благодаря им и каким-то особым молебнам вершились победы, он просто взорвался: “Да не видели мы никаких священников! Может, они где-то были. И не хочу я об этом говорить. Что было, то было, а надумывать не дам”.

И я его очень хорошо понимал.

А.П.: Я предавался размышлениям, что такое псковская земля, с которой я 60 лет, наверное, связан. Я пытался эту псковскую благодать расчлениить, что не является благодарным делом. Потому что это целостное ощущение. Если Киев – это мать городов русских, то Псков – отец государства Российского. И все пять империй, в которых мы, русские люди, проживаем, здесь побывали и остаются. Все пять империй поцеловали псковскую землю. И поэтому Псков – это город-государственик, город-империя. Псков – это щит, потому что империю всё время хотели покорить, раздробить, разгромить. И Псков всегда вставал на пути этих разгромов. Он весь изранен, весь в пулях, в наконечниках и стрелах. Он город-богатырь, который вставал на защиту государства. В этих боях, молениях постоянно совершались чудеса. Здесь постоянно были откровения. И поэтому Псков – город чудесный, он связан с чудом. С чудом ещё и потому, что все пять империй, когда кончалась одна из них, и России не должно было больше быть, они, эти империи, продолжались через чудо! И Псков несёт в себе эту чудесную, таинственную, пасхальную воскресительную благодать. И конечно, Псков – это чертог красоты. Таких прекрасных псковских храмов, похожих на русские белые печи, такие же тёплые и пахнущие мёдом...

М.Т.: ... Или на белые грибы...

А.П.: Да, на белые грибы... И таких монастырей, таких фресок, таких икон я нигде не встречал. А Мальская долина, которая переходит и сюда, ведь эта впадина каким-то образом связана с чередой таинственных впадин...

М.Т.: Путь “из варяг в греки”...

А.П.: Может быть, даже и больше. Потому что один мудрец, местный богослов, фантазёр, возможно, сказал мне, что эту впадину образовала Вифлеемская звезда, которая прилетела из Вифлеема и остановилась здесь. А в Буднике лежит в реке большой камень. Это якобы осколок Вифлеемской звезды. Недаром Владимир Святой там родился.

М.Т.: Это сильно!.. Ну что ж, у человека есть своё мнение.

А.П.: А куда делась Вифлеемская звезда – никто же не знает...

М.Т.: Ну, конечно, во Пскове, где она ещё есть? Естественно, больше нигде.

А.П.: Такой вот град – Псков. Я думаю о псковской мечте. Мечта – та таинственная восхитительная сила, которая не даёт народу погибнуть и выводит его из всех теснин, ущелий, бед, уныния. Я думаю, что псковская мечта связана со служением, овеяна святостью и святой красотой.

М.Т.: Можно, наверное, подумать, поразмышлять, может быть, даже немножко пофантазировать, можно предложить какую-то мечту, попытаться её сформулировать. Но она уже была сформулирована человеком, с которым псковская земля теперь связана и во времени, и в вечности. Это отец Иоанн Крестьянкин. Он здесь – с середины 60-х годов. Митрополит Питирим лично привёз его после тюрем и сылок сюда и вручил этого сидельца, священника, архимандриту Алипию. И так отец Иоанн здесь и скончался. Хотя он сам из Орла, хотя служил в Рязани, но навсегда останется псковичом. Так вот, он сказал удивительные слова, которые нужно воспринимать, как заповедал старец, с верой и мужеством. Он сказал (и это были его и завет, и мечта, та самая псковская мечта, о которой Вы говорите): “Россия, будь такой, какой ты нужна Христу”. Эти слова – не выдуманные, а исходящие из самого сердца духовной жизни псковской земли, Псково-Печорского монастыря.

А.П.: Да... “Россия, будь такой, какой ты нужна Христу”.

Любое государство, в частности, русское, управляется традиционными государственными средствами. Финансами, которые направляются в ту или иную область. Иногда – силами, когда нужно смуту подавить или защитить страну. И мудрому правителю, использующему этот арсенал средств, удаётся развивать государство, двигать, защищать и сберегать его. Но мне кажется, что в России, помимо этих очевидных и рациональных средств управления

народом, существует и другой арсенал средств, который просвещённый правитель в самые тяжёлые для России периоды использует. Это такие представления, как русское чудо, русская мечта, пасхальный смысл русской истории, святость русского оружия, русской природы и земли. Но область этих представлений — она забыта или не слишком явлена. И, наверное, церковь, и псковская церковь, и быть может, владыка Тихон, Вы в состоянии сформулировать эти законы, через которые народ спасается, не унывает, преодолевает государственное безденежье, преодолевает дурь чиновников, преодолевает супостата, который сжимает кольцо вокруг России. Потому что, когда умолкает рациональное, в душе русского человека просыпается божественное, восхитительное. Вам не кажется, владыка, что Псков мог бы быть школой, университетом божественной политологии?

М.Т.: И Псков, и вся русская земля. Я абсолютно с вами согласен и даже готов исполнить ваше поручение — сформулировать то, о чём вы сказали, как ни дерзновенно это звучит. Я выскажу какие-то мысли, может быть, спорные, но для меня они абсолютно безусловные, и подсказывают мне их не только наша святоотеческая мысль и история, но и великие правители России. Александр II, когда у него спросили, легко ли управлять Россией, ответил: “Россией управлять не сложно, но бесполезно”. Он сказал и по поводу того, какими законами управляется Россия: “Все страны управляются законами и правилами, а Россия живёт по пословицам и поговоркам”.

То иррациональное, о чём вы говорите, звучало в устах этого великого и трагического реформатора России особым образом. Он был весьма рациональный человек. И вот к какому абсолютно иррациональному выводу он пришёл уже на закате, хотя и неожиданным закате, своей жизни. Есть ещё один пример. Это уже не русский государь, а русский политик и вельможа Хриstoffор Миних. Знаменитое его высказывание, что “Россия отличается от всех других стран тем, что управляется непосредственно Господом Богом, потому что иначе совершенно нельзя понять, почему она до сих пор существует”. Вот этот русский “авось”, на который, казалось бы, нельзя надеяться, а надо трудиться. И все нам говорят: и Церковь, и житейская мудрость, и мудрость великих людей, — трудиться, трудиться... И трудимся. И, слава Богу, когда как получается. Но этот вот русский “авось”, который иногда вдруг оказывается чудом неожиданным, а на самом деле вымоленным. Это один из самых поразительных и, может быть, самых важнейших факторов нашей жизни. Я не буду перечислять всех тех, кто вдруг открывал это для себя: и наших отечественных мыслителей, политиков, и зарубежных... Черчилль говорил примерно так: Россия — это тайна, закутанная в секреты и ещё раз закутанная во мрак каких-то загадок.

“Умом Россию не понять, аршином общим не измерить”. Мы тоже понимаем, что этому можно только верить. Западные люди ищут эту загадку русской души. А мне тайну русской души, загадку русской души отчасти приоткрыли китайцы.

Как-то я был в Китае, и переводчик рассказывал, что у них для каждой страны, каждого государства есть некое нарицательное обозначение. Сам Китай — это Поднебесная. Под небом есть только Китай, а остальные окружают Поднебесную. Соединённые Штаты Америки в их восприятии — страна счастья, страна в основном счастливых людей, для которых комфортность — одна из главных задач, это их исторический выбор. Франция — страна законов. Англия — страна мужественных людей. Германия — страна мастеров. И когда в “Жэньминь жибао” даже в советское время говорили о том, что в Китай приезжает президент Франции, например, то это звучало (как мне об этом рассказали) — “в Поднебесную прибыл президент страны законов”. Естественно, я спросил, как называется по-китайски наше Отечество? И переводчик сказал: это страна неожиданностей. Страна и народ, от которого можно ожидать самого необычного, нежданного. Страна, которая сама для себя тоже является загадкой. Мы действительно сами от себя иногда не знаем, чего ожидать. Мы полны таких сил, которые рационально не можем и сами ни оценить, ни сформулировать. В этом и сила, в этом и в какой-то степени наша проблема, и задача для разрешения. Но мы именно такие. Мы можем быть и Ильёй Муромцем, который вдруг неожиданно встаёт с печи и совершает великие подвиги. А можем быть мужиком у Достоевского, который полдня стоит в тулупчике, кушаком подвязанном, созерцая природу, и потом вдруг непонятно

куда пойдёт: то ли в Иерусалим, то ли чего-нибудь подожжёт. Помните у Достоевского эти жёсткие слова? Фёдор Михайлович говорит: в этом русский мужик, это наша тайна и наша загадка.

А.П.: А что в мире существует, но неопределимо? Ведь в мире есть нечто, что абсолютно существует, но не поддаётся окончательному определению.

М.Т.: Это Бог.

А.П.: Конечно, это Бог. И я думаю, что русская мечта — она неопределима. Она невыразима. И тщетно пытаться найти ей объяснение. Потому что если Россия управляется Богом, если русская история объяснима только через чудо, то, конечно, и русская мечта — это нечто, созвучное с Царством Небесным.

М.Т.: Мы ждём в своей истории и в некоей квинтэссенции нашего народа ни больше ни меньше, чем Царствия Небесного. Не земного, а Небесного. Мы хотим поместить в свою душу ни больше ни меньше, как самого бесконечного и неизъяснимого Бога.

А.П.: Да, это так. Это и есть та наша сокровенная мечта, которую, наверное, многие ещё не могут выговорить и не могут понять. Но это дело времени и дело молитвы предков, которые об этой мечте прекрасно знали. Продолжим каждый на своём месте трудиться. Потому что, как я сказал себе, отступать дальше некуда, за нами — Царствие Небесное.

АДАМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и директор Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина “Михайловское” Георгий ВАСИЛЕВИЧ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ: Георгий Николаевич! Мне кажется, что есть Пушкин петербургский, состоящий из гранита, дворцов, державной мощи, блеска залов и грома, шума балов... А есть Пушкин псковский. И это нечто другое — нежное, возвышенное, связанное с укладом, с усадьбой, с природой. Как вы чувствуете это разделение, как Вы чувствуете Пушкина псковского?

Георгий ВАСИЛЕВИЧ: Мы не просто чувствуем, Александр Андреевич, мы знаем, что здесь Пушкин совершенно другой. И мы говорим о нём как о том, кто присутствует в жизни Михайловского до сих пор самым естественным образом. Хотя бы потому, что могила Пушкина, которая находится в двух километрах от Михайловского, не только подводит черту прожитой жизни поэта, но эта могила — она ещё и место, с которого начинается его посмертная жизнь. Посмертная жизнь среди нас, вместе с нами до сих пор постольку, поскольку мы готовы считать Пушкина своим учителем, другом.

Вот однажды на могиле Пушкина я увидел плачущую женщину. Всегда хочется подойти и спросить, может быть, чем-то помочь. Спросил. Она улыбнулась, сказала: “Я плачу не потому, что мне плохо. Я прихожу сюда не первый год. Это — единственная могила, которая у меня осталась. Так получилось, что все мои родные, все люди, на могиле которых я хотела бы побывать, находятся так далеко, что я не могу этого сделать, или могилы их неизвестны. И я прихожу к Александру Сергеевичу, чтобы вспомнить его и вспомнить их одновременно”.

И я вдруг понял, что мы вполне могли бы носить ещё и второе отчество — Александровичи, просто по праву причастности к Александру Сергеевичу, к его слову.

Почти 200 лет тому назад он приехал сюда впервые, зная об этом месте, что оно есть, но не представляя себе, что это такое. И вдруг глаза его распахнулись. Холмы, луга, потрясающий, к тому времени уже достаточно старый парк, ощущение того, что ты дома, что это твоё, родное... И впервые здесь он увидел ту жизнь, которая сильно отличалась от подмосковной и наверняка очень отличалась от петербургской. Здесь он понял, что есть народ,

что есть простые слова, которыми описывается жизнь повседневная, что есть незаметный повседневный труд. И здесь, наверное, было одно из потрясенных, давшее нам “Бориса Годунова”: что история начинается не вчера, а в древних и старых русских временах. И строки “Руслана и Людмилы”, и строки, рассказывающие о временах Бориса Годунова, они про это место. То есть вся русская история укладывается в эти места, она здесь живёт. Более того, мне кажется, что в какой-то момент Александр Сергеевич понял, что он не только за свой талант отвечает. Он отвечает за поколения, поколения и поколения русских людей, что прожили жизнь безымянными пахарями, воинами, учёными, монахами и оставили после себя некую живую ткань нашей истории, которая, однако, не названа. А назвать её бывает дано редкому человеку...

А.П.: Вы имеете в виду жизнь простонародья?

Г.В.: Да. Ведь здесь умирали поколения крестьян, здесь умирали поколения воинов, которые защищали нашу Родину. Мы не знаем, как их зовут, мы молимся о них всех вместе. Но Пушкину предстояло в образах литературных воссоздать ту историю, показать нам, что жизнь не проходит лишь только в петербургских салонах.

А.П.: Я думаю, что в Петербурге он бы не мог написать “здесь чудеса, здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит”. Он мог написать это только здесь. Здесь дивные леса, здесь леший бродит, может, даже, его имя – Василевич.

Г.В.: Мне говорили, что однажды Валентин Яковлевич Курбатов, провожая дочь и сына своих друзей, шёл впереди. Была луна. Он вышел так, что она стала светить, обнимая его голову, и шедшие за ним вдруг испугались, потому что два вихря встали так, что люди не понимали, кто их куда ведёт.

А.П.: Места-то сказочные, таинственные, мистические...

Г.В.: Очень живые, очень сильные и до сих пор сохранили своё самостоятельное представление о жизни – естественной жизни, такой, какой она была.

А.П.: Пушкин, живя здесь, во Пскове, в Михайловском, эти все тончайшие энергии в себя вбирал, пропитывался, наполнялся, переводил в стихи, в жизнь, в судьбу свою. А потом их отдавал и продолжает отдавать этим местам. То есть происходит круговорот этой мистической (или поэтической) энергии. Сначала он аккумулировал, собирал, а потом, когда жизнь его оборвалась, он стал её отдавать. Как берёзовые дрова в камине: при жизни растут ввысь, а потом они греют, греют, греют... Пушкин для этих мест, для Псковщины, очень многое значит.

Г.В.: Мне кажется, что здесь есть ещё одна важная вещь, которая только в Михайловском в полноте и смогла осуществиться. Поэт – это тот, кто владеет словом настолько, что оно максимально лаконично передаёт самые существенные вещи, связанные с культурой, жизнью народов, с бытом. Именно поэтому он – поэт. Проза развивает смыслы в более обширных текстах. А поэт даёт очень сжатое понимание и очень энергически мощное понимание того мира, о котором пишет. Поэт – это слово. Мы все знаем о том, что “вначале было Слово”. Мы знаем, что избранным даётся чувство слова до такой степени развитое, что они способны им приближать к Богу. Или к каким-то важным истинам, без которых жизнь не состоится. И в этом смысле Пушкин явил собой здесь первого человека, который эти места безымянные назвал. Он приходит сюда, и ему дано, как когда-то Адаму в раю, ходить и называть. И как сказано: и то, что назовёшь, то навсегда останется...

А.П.: Это русский Адам?

Г.В.: Да. По существу, для России – тот первый человек, тот Адам, что, создавая язык, даёт нам палитру смыслов, которую мы пытаемся вновь и вновь высказать самим себе – каждое поколение и насколько это может – каждый человек. С этого начинается любое творчество. А представить себе жизнь человека без творчества (а мы говорим ещё и о мечте), изъять у мечты творческую составляющую – это значит превратить человека в жалкое подобие самого себя. Ведь из Библии мы знаем, что человек создан как подобие Бога, как творец в своих небольших пределах. И то, что мы сейчас находимся в этом месте, то, что уже скоро как 120 лет сюда приезжают люди и здесь отвечают на свои собственные вопросы, здесь ставят эти вопросы, тоже не случайно. Не случайно просто потому, что это место создано и скреплено словом.

А.П.: Есть загадочные связи между человеком и местом, где он обретается. Эти связи до конца не выявлены. Я был в Константинове, и там, в Константинове, Ока делает потрясающую излучину, как будто в этом месте изменилась гравитация, Земля стала вращаться в другую сторону. И вся природа вдруг как бы поднялась дыбом, вихрем в каком-то восторге. И я подумал: а может быть, это произошло, потому что Есенин здесь родился...

Г.В.: Потому что он там родился и состоялся.

А.П.: Не Есенин родился здесь, потому что здесь космический изгиб реки, это было бы понятно: вот на какой-то скважине, на аномалии мира, где творят духи, возник дивный поэт... А может, рождение поэта изменило ландшафт мира? И я думаю, что в каком-то смысле появление здесь Пушкина изменило ландшафт этого места, Псковщины.

Г.В.: Вне всякого сомнения. Это действительно так, и это видно, когда вы пересекаете незримую границу музея-заповедника и земли, лежащей за его пределами. Я, слушая вас, подумал о том, что все, наверное, в детстве имели дело с раскрасками. И были такие раскраски, в которые надо было вносить краску, а были те, в которых для выявления цветов достаточно было намочить кисточку, провести по уже раскрашенному, но невидимому, рисунку, и он проявлялся. Мне кажется, что Пушкин и подобные ему гении именно это и делают: они проявляют всевышний замысел о месте и оставляют его нам в подарок как место, в которое можно войти и пребывать одновременно и в текущем времени, и во времени вечности, до известной степени. Он, по моему, один из тех, кто для нас проявил это место.

А.П.: Это и есть, может, то, о чём в своё время Вернадский говорил, что человек имеет геологическое значение для Земли. То есть появление человека меняет планету. И в этом смысле, я не боюсь показаться слишком пафосным, можно говорить о пушкиносфере.

Г.В.: Можно.

А.П.: Можно говорить: “биосфера”, “техносфера” и “пушкиносфера”. Она – в России. Россия живёт в пушкиносфере по сей день.

Г.В.: И всё это происходит, тем не менее, через родство слова и Земли, слова и пространства, слова и ландшафта. Это те невидимые, тайные связи, которые поэту помогают найти нужные слова, которые нам помогают найти нужные вопросы и ответы в своей жизни. Ведь любого человека, вне зависимости от того, насколько глубоко или поверхностно он об этом задумывается, всю жизнь преследует вопрос: для чего жизнь дана, зачем мы живём? Что нам надо сделать?

А.П.: Лев Николаевич Гумилёв, который тоже бывал на Псковщине многократно, говорил, что как раз эта космическая сила, космическое излучение, они падают на ландшафт, на землю, а посредником или результатом падения является народ. Или является Пушкин. То есть Пушкин является результатом соединения этого божественного ландшафта с таинственными небесными силами. Он их соединил. И в этом смысле, конечно, Пушкин сегодня – первый человек, а может, даже не первый человек, а прачеловек. Прачеловек!

Г.В.: Во всяком случае, для нашей литературы он действительно первый человек, он Адам. Адам, которому дано было в стране, которую все считали варварской, усилиями всего-навсего одной короткой жизни открыть такую перспективу, которая ещё очень долго будет для нас открытой, если мы только сами не предадим себя и своё призвание. И это жизнь через слово – посредством молитвы и творческого слова.

А.П.: Мне кажется, что у Пушкина – пульсирующая судьба. Есть пульсары в небесах, есть звёзды пульсирующие. И Пушкин – то разгорается и наполняет всю нашу жизнь, а то как бы уходит в тень, отстраняется, уходит на обочину, освобождая пространство. И это пространство набивается бог знает чем – ужасным и скверным. А потом он опять воскресает, и опять – новое нашествие Пушкина или вторжение в нашу жизнь. Что это такое? В 1937 году было, по существу, второе пришествие Пушкина, а может быть, даже и третье.

Г.В.: Причём происходило это в год смерти Пушкина, а заявляло о его бессмертии. И значит, о бесконечных возможностях того народа, в котором он живёт.

А.П.: Это тоже очень важно, потому что год смерти – “смертью смерть поправ”. По существу, это был пасхальный акт...

Г.В.: В преддверии того армагеддона, который развернётся через несколько лет на нашей территории.

А.П.: Пушкин оказался тогда среди изнурённого народа. Ведь народ 1937 года был очень изнурён: труды нещадные, раскулачивание, репрессии. Народ был отстранен от власти, были ропоты, ненависть, гражданская война ещё не кончилась. А Пушкин был помещён в этот народ и подготовил его для огромной коллективной борьбы, войны.

Г.В.: Чрезвычайно важно, что он первым выступил как знамя, под которым можно было всем собраться: и людям дворянского происхождения, просвещённым, аристократам, и крестьянам. Он был равноблизок и равноудален от тех и других. Он оказался тем основанием, которое сплотило людей накануне большой беды.

А.П.: Под Изборском стоит стена крепостная, о которую разбивались нашествия тевтонов. И там, в этой стене, выложены камнями голгофа, крест. А на эту голгофу, на этот крест двигался католический крест или католическая голгофа. И кресты схватывались: тевтонские кресты и православные русские кресты. И по существу, Пушкин выступил против гитлеровской “Анненербе”, он выступил против тевтонской мистики, против глубинного, мрачного. Против этой чёрной бездны он выступил со “Сказкой о царе Салтане”. И оказался сильнее.

Г.В.: Что ещё удивительнее: слово, которое было ближе всего к Богу, оказалось способным доказать, что внешние почитания чего бы то ни было: внешние представления в виде креста, представления о том, что ты – такие, а вы – другие, – оно ещё ничего не решает. Решает глубинная суть народа, который несёт в себе – в самых страшных, критических условиях, “знаменуясь” через звезду, символ человеческого земного бытия. Ведь звезда – символ человека как такового. Даже сквозь это несёт свет.

А.П.: Получилось, что кресты “Тигров” были побеждены “звездой пленительного счастья”. И эта пульсация Пушкина говорит о том, что Пушкин грядёт. Мы же были в чудовищном времени 90-х годов, когда Россия вся отхлынула. Вместо России возникла дыра, чёрная пропасть. И сейчас мы медленно, но неуклонно эту пропасть опять заполняем тем, что удалось не расплескать. И Пушкин возвращается. И ваш музей, ваш заповедник – то место, куда стекаются пушкинские ручьи.

Г.В.: Даже шире – куда стекаются и те люди, которые вчера ещё не совсем понимали, что Пушкин в их жизни есть. И здесь всеми средствами, доступными человеку на Земле, все говорят об одном и том же: ты – человек, ты имеешь право на творчество, имеешь право мечтать, и твоя мечта непременно сбудется как свет, за которым можно идти из поколения в поколение. Потому что идти можно за чем угодно, но если ты не идёшь за светом, ты идёшь во тьму, в небытие.

А.П.: Я пытался заняться неблагоприятным делом – как бы разложить и расчленил пушкинскую идею, пушкинское творчество. Я увидел в этом творчестве то, что мы называем государством, державой, империей. Пушкин действительно был государственным, в нём жило ощущение великого русского могущества: и история Пугачёва. Пугачёвский бунт, и Годунов, и Полтава... Там он, совершенно ясно, был носителем русской государственности.

Г.В.: И более того, собирателем земель русских. Помните, как он в “Памятнике” перечисляет те народы, которые вспомнят его.

А.П.: Он был имперский в этом смысле художник, потому что считал, что Россия, Русь, держава – там все: и калмыки, и тунгусы – “всяк сущий в ней язык”. И конечно, он хотел, чтобы эта империя, эта держава была защищена. Он был воинский поэт. “Сиянье шапок этих медных, // Насквозь простреленных в бою <...> полки увидели Петра <...> и грянул бой, Полтавский бой...” Он был воинский поэт. Он видел, что Россия крепка своим воинским подвигом. И держава держится на воинском торжестве.

Г.В.: Думаю, это тоже было одно из тех переживаний, которое связано с этим местом. Здесь очень трудно было не заметить славную военную историю России. И мне кажется, он нёс это в себе, и – удивительная тоже догадка, –

может быть, ему и не дано было стать, как Лермонтову, военным, просто потому, что когда у тебя есть что-то неосуществлённое, ты глубже, ярче, иногда – болезненнее, иногда – точнее, со стороны можешь передать это состояние. Поскольку, когда ты находишься внутри, скажем, воинской службы, у тебя есть устав, есть необходимость выполнять рутинные задачи и исчезает главное – внутреннее героическое напряжение, которым только и даётся подвиг.

А.П.: Но он стремился на войну. Он хотел разделить военную долю со своими коллегами, со своими друзьями-декабристами, он хотел быть рядом с ними в строю.

Г.В.: Стремился. Даже ходил в атаку, чтобы пережить это.

А.П.: Да, да. Значит – имперский пафос и воинская доблесть, без которых империя не устояла бы. И в Пушкине есть то, что хотело бы сделать эту империю не империей полосатых шлагбаумов и часовых у крепостей, а наполнить её благодатью, добром, светом, справедливостью. Отсюда то его начало, о котором наши либералы говорят: он свободомыслящий человек. Конечно, всё было. “Звезда пленительного счастья”, “Братья...”, “Ярем он барщины старинной // Оброком лёгким заменил; И раб судьбу благословил”, его любовь к крестьянам – ко всем. Он хотел свою державу, свою крепость наполнить благом, добром возвышенным.

Г.В.: Пушкин жил в православной стране. Его окружали храмы, церкви, посещал, наверное, богослужения, но в его творчестве тема христианства звучит слабо, так скажем. И наши православные в этом не видят его приверженности к христианству. Но ведь сама идея красоты, которую он исповедовал, красоты, которой он наполнил поэзию; эта красота – ипостась Бога. И в этом смысле Пушкин – абсолютно религиозный поэт. Он наполнял своё творчество красотой как ипостасью Бога.

Есть ещё два очень важных момента. Ведь Пушкин умирал тяжело и достаточно долго. И в эти неполные три дня, когда перед тем, как наступила смерть, он исповедовался, и священник, который его исповедовал, признавался потом, что он сам хотел бы такой исповеди – полной и ясной, и сам хотел бы умереть с таким же чувством освобождения и близости к Богу, которое в этот момент было у Александра Сергеевича. И ещё, как ни странно, мы отмечаем всякий год день памяти Пушкина – это день святого Исаака Сирина, чью молитву Пушкин переложил в стихотворении “Отцы пустынноики и жены непорочны...” *Бывают*, как он сам говорил, *странные сближения*, но они тоже, задним числом какие-то вещи заставляют видеть в другом ракурсе, в другом свете. И это, наверное, тоже не случайно. И не случайно то, что столько усадеб, при которых не уцелели храмы. А ведь Михайловское – одно из гармоничнейших мест: не только три усадьбы, не только крестьянский мирок возле мельницы, но ещё и Святогорский монастырь, что остался стоять на своём месте над могилой поэта, которая всегда пребывала так, как, наверное, хотелось бы, чтобы все могилы пребывали.

И немецкие танки, бронетранспортёры её не тронули, могила не пустила их к себе.

А.П.: Если мы говорим, что Пушкин – это первый человек, то в нём, как в первом человеке, существует всё, и богочеловек – тоже. Его смерть, его гибель – это не простая дуэль. Это не просто борьба за честь, битва за дворянское достоинство. Мне кажется, что в этой смерти тоже есть что-то очень религиозное, глубинное и поучительное. Это в каком-то смысле жертва. Он принёс себя в жертву. И явно или не явно, но эта смерть, эта гибель должна была показать этому остывшему, наполненному грехами, хладному, смердящему миру, что есть подвиг, есть красота, есть мученическая смерть красоты.

И что есть нежелание принести в жертву других, а готовность выйти и стать под выстрелы самому. Я был на месте, где погиб Матросов, и мне пришла мысль, что Пушкин – это Александр Матросов русской поэзии. Матросов и Пушкин закрыли собой амбразуру, откуда вырывалась тьма, чтобы эта тьма не летела в других. И, конечно, мистическая фигура Пушкина, она не раскрыта до конца. Она, видимо, бездонна. И я думаю, что грядут времена, жестокие времена, причём жестокость, она будет не в крылатых ракетах. Она будет в том, что человеческие отношения будут формироваться тем, что мы называем цифрой. И ответом на нашествие цифры, мне кажется, будет

пушкинский взрыв. Пушкин сломал “Анненербе”, и Пушкин выйдет сражаться с цифрой. Мы находимся в преддверии возвращения Пушкина.

Г.В.: Мне кажется, что он уже в эту борьбу вступил. Посмотрите, как произносятся ранние фразы, которые считались эпитетами прославляющими. Меня в последнее время очень интонационно “царапает” то, как произносится “это наше всё”, например. Интонации очень важны. А пытаются в очередной раз пренебрежительно выбросить их, как ненужный материал, отработанный. То есть оказывается, борьба уже идёт. Уже она началась, и она, думаю, будет принимать ещё более серьёзные и, может быть, более пространные формы, чем сегодня.

А.П.: Думаю, что всё-таки молодой ум в поисках не остановишь ничем: ни водкой, ни наркотиками, ни обманом, ни футболом. Он очень пытлив. И молодые люди пытаются открыть новые элементы, новые вещества, создать новые программы компьютерные, хайтек. Но Пушкин – это такая планета, такой континент, который даст пищу любому пытливому молодому русскому уму. И время новых пушкинистов тоже грядёт.

Г.В.: Произведения Пушкина ещё и тем хороши, что они в цифровой век, век математики и цифры поддерживают, как молоко матери, в человеке душу. Питаться голой цифрой душа не может. Человеку нужна пища другая, которая дарит уверенность, веру, размышления, возможность отойти от привычных событий, которые заслоняют собой всё. Пушкин – это то пространство, та вода, тот живой воздух, входя в который, ты выходишь другим, обновлённым. И без этого нет полноты человека. А неполный человек не может создать шедевр. Он может создать что-то гремящее механически или электронно совершенное, но абсолютно не человеческое. А ведь мы говорим о жизни человечества. И в этом смысле Пушкин – один из самых человеческих творцов.

У нас сейчас в Михайловском есть отряд доброхотов – школьники из Перми, ученики физико-математической школы имени Пушкина. Зная, как он учил математику и физику, можно улыбнуться и сказать: это совершенно несовместимое. А между тем, это одна из тех редких школ, в которых дети получают одновременно специализации и по физике, и по математике, вплоть до бакалавриата. И в то же время они не чужды слову, не чужды художественным занятиям, музыке и танцам, это является частью их общечеловеческого развития. Они приезжают сюда как молодые пушкинисты, один из которых сделал интересный доклад “Пушкин – математик”. Показал, что Пушкин столько-то раз в своих произведениях употребляет математические термины, и сделал вывод, что эти термины ни разу не противоречили своему глубинному значению, хотя Пушкин математиком никогда не был. И это тоже ведь – слово. Это слово, которое вмещает в себя все смыслы, вплоть до тех, которые мы считаем далёкими от языка и литературы.

А.П.: Может быть, кто-нибудь из этих учеников откроет новый элемент и назовёт его “пушкиний”.

Г.В.: Может быть. Надо подать им эту идею.

А.П.: Георгий Николаевич, Вас Россия любит, знает. Михайловское – это место поклонения и паломничества. Через Вас проходит масса людей: и добрых, и злых, и возвышенных, и глухих. Но все они, проходя через это игольное ушко, меняются. По эту сторону Михайловского они становятся другими. Какими? Трудно сказать. Но ясно, что осенёнными. И для меня просто счастье беседовать с Вами среди этих рощ, на фоне этих мест, где гулял Пушкин, где он обожал и целовал свою незабвенную Анну. И это удивительная благодать, что мы, русские мечтатели, учимся этой мечте у Александра Сергеевича Пушкина.

Г.В.: Мне хочется сказать пушкинскими словами, что это место воплощает в себе три понятия, без которых жизни нет: и саму жизнь, и слёзы, и самое главное – любовь. Это место очень многим дарит любовь, причём в разных ипостасях. К близкому человеку, к Родине, и в равной мере – неразделимо от его личного восприятия самого себя. И в этом смысле Пушкин жив до сих пор и продолжает быть среди нас.

А.П.: Если сам Пушкин, прах его лежит в могиле, в монастыре, то всё, что здесь есть и чему вы посвятили свою жизнь, является своеобразным нимбом вокруг него.